

СЕАНС ПЕРВЫЙ

Я думала, что справлюсь с этим, Надин. После всех лет психотерапии, после всех этих долгих разговоров о том, стоит ли мне найти мою биологическую мать, я наконец-то сделала это. Вы тоже причастны к этому. Я хотела показать вам, как сильно вы влияете на мою жизнь, как я выросла, какой стала спокойной, умиротворенной. Вы всегда мне говорили: «Спокойствие — это ключ ко всему». Но я забыла о других ваших словах: «Не торопитесь, Сара».

Я скучала по нашим сеансам. Помните, как я смущалась, когда впервые пришла к вам на прием? Особенно когда рассказала вам, почему мне нужна помощь специалиста. Но вы были такой веселой, такой человечной... Я вовсе не такими представляла себе психотерапевтов.

В вашем кабинете так светло и уютно, что, чем бы я ни была обеспокоена, когда приходила сюда, все виделось мне иначе. Иногда, особенно в начале терапии, мне вообще не хотелось уходить. Однажды вы сказали, что когда я пропускаю сеансы, это означает, что у меня все в порядке, а когда я бросаю терапию, вы решили, что выполнили свою работу. И это действительно так. Последние пару лет были самыми счастливыми в моей жизни. Поэтому я подумала, что сейчас самое подходящее время. Я полагала, что теперь могу справиться со всем что угодно. Я твердо стояла на ногах. *Ничто* не могло вновь превратить меня в невротика, которым я была, когда впервые повстречала вас.

А потом она солгала мне. Моя биологическая мать. Когда я наконец заставила ее поговорить со мной, она солгала мне о моем настоящем отце. Я почувствовала себя так, как когда я была беременной и Алли толкалась, — резкий удар изну-

три, от которого перехватывает дыхание, вот что я ощутила. Но больше всего меня поразила реакция на лице моей настоящей матери. Она боялась меня. Я уверена в этом. Вот только не знаю почему.

Все началось около полутора месяцев назад, под конец декабря. Началось с одной интернет-статьи.

В то воскресенье я почему-то встала рано; впрочем, тебе не нужен будильник, если твоему ребенку шесть лет. Взяв чашечку кофе, я села отвечать на письма. Сейчас я получаю заказы на реставрацию мебели со всего острова...

Тем утром я пыталась понять, как реставрировать стол, сделанный в двадцатых годах. Временами я отвлекалась, прислушиваясь к тому, что делает Алли. Я велела ей сидеть на первом этаже перед телевизором и смотреть мультики, но было слышно, что она играет с Олешкой, нашим пятнистым французским бульдогом. Алли громко ругала Олешку за то, что тот жует ее плюшевого кролика. Надо сказать, что за Олешкой нужен глаз да глаз, иначе жди беды.

Так вот, я сидела за компьютером, просматривая страницы о мебели, когда на экране всплыла реклама виагры. Я кликнула мышкой, пытаюсь закрыть ее, но меня перебросило на другую страницу, и вот я уже вижу перед собой заголовок «Приемные дети. Взгляд с другой стороны». Я пролистала письма, присланные людьми после выхода статьи на эту тему в «Глоуб энд Мейл»¹, прочитала статьи о биологических родителях, которые много лет пытались найти своих детей, и о тех, кто не хотел, чтобы их нашли. Статьи о приемных детях, которые росли, чувствуя, что у них нет настоящей семьи. Трагические истории о том, как людей выгоняли взащей. Истории со счастливым концом о воссоединении матерей и дочерей, братьев и сестер. И жили они долго и счастливо...

¹ «Глоуб энд Мейл» — канадская газета, существует и в интернет-версии. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

У меня разболелась голова.

«А что, если я найду свою мать? Может быть, мы сможем завязать отношения? А что, если она не захочет говорить со мной? А что, если я узнаю, что она уже мертва? А вдруг у меня есть брат или сестра, которым обо мне ничего не известно?» — думала я.

Я даже не заметила, что Эван уже проснулся, и испугалась, когда он тихонько склонился надо мной и поцеловал в шею. Эван тихонько хрюкнул — сперва мы дразнили так Олешку, но потом этот звук стал означать все что угодно, от «Я сержусь на тебя» до «Ты мне нравишься».

Свернув окошко, я повернулась в кресле.

— Болтаешь с очередным виртуальным поклонником? — улыбнувшись, Эван смешно пошевелил бровями.

— С которым из них?

Я улыбнулась в ответ.

Схватившись за грудь, Эван шлепнулся в свое кресло и вздохнул.

— Надеюсь, у этого поклонника достаточно одежды.

Не сдержавшись, я рассмеялась. На самом деле я постоянно ношу футболки Эвана, особенно если он уезжает с группой туристов на базу в Тофино. Эта база расположена в трех часах езды от нашего дома в Нанаймо, прямо на западном побережье острова Ванкувер. Когда Эван проводит туристов по маршруту, я ношу его футболки круглосуточно. Иногда я так увлекаюсь, реставрирую мебель, что к тому моменту, когда Эван возвращается домой, все его футболки оказываются грязными, а мне приходится долго извиняться.

— Не хочу расстраивать тебя, милый, но ты единственный мужчина в моей жизни. Никто другой не смог бы выносить мое безумие.

Я положила ногу ему на колени.

Шевелюра Эвана топорщилась, а в этих штанах с накладными карманами и спортивной рубашке он напоминал

студента. Многим людям трудно поверить, что Эван — директор туристической базы.

— Ох, я уверен, что найдется какой-нибудь доктор со смиренной рубашкой, которому ты покажешься милой.

Я в шутку замахнулась на него кулаком.

— Я тут читала одну статью...

Я начала массировать левый висок.

— У тебя начинается мигрень, солнышко?

Я убрала ладонь от головы.

— Голова немножко болит, но ничего, это пройдет.

Эван укоризненно смотрел на меня.

— Ладно-ладно. Да, я вчера забыла выпить таблетки.

Много лет я пыталась лечиться разнообразнейшими препаратами. Сейчас я принимаю бета-блокаторы и наконец хоть как-то справляюсь с мигренями. Проблема только в том, что я забываю принимать таблетки.

Эван покачал головой.

— Так что за статья?

— В Онтарио рассекретили архив по усыновлению.

Эван начал массировать мне ступню. Внизу звонко засмеялась Алли.

— Я читала письма в газету от приемных детей и тех родителей, которые отказались от своих малышей.

— Ты думаешь о том, чтобы найти свою биологическую мать?

— Не то чтобы... Мне просто было интересно.

Но на самом деле я уже подумывала об этом. Я просто не была уверена в том, что готова. Я всегда знала, что меня удочерили, но не понимала, что это означает, до тех пор, пока мама не усадила меня на колени и родители не сообщили мне, что у них будет ребенок. Тогда мне было четыре года. Животик мамы округлялся, папа сиял от гордости, а я никак не могла отделаться от мыслей о том, что теперь они вернут меня в детский дом. Я не понимала, что это означает, пока не увидела, как отец посмотрел на Лорен, когда ее привезли

из роддома. И как он посмотрел на меня, когда я попросила его дать мне подержать сестричку. Через два года родилась Мелани. Ее мне тоже не дали подержать...

Эван решил сменить тему разговора.

— Когда ты хочешь пойти на этот семейный обед?

— В четверть никогда. — Я тяжело вздохнула. — Слава богу, что Лорен и Грег тоже будут там. Мелани приведет Кайла.

— Ты смотри, какая смелая.

Отец обожает Эвана — наверное, весь семейный ужин он проведет за разговорами о том, как они в очередной раз поедут вместе на рыбалку, — и столь же сильно презирает Кайла. Я не могу его винить. Кайл мнит себя будущей рок-звездой, но как по мне, то единственное, что ему хорошо удается, — это охмурять мою сестру. Правда, отец всегда ненавидел наших парней. Я до сих пор не могу поверить в то, что ему нравится Эван. Хватило одной поездки на турбазу, и отец стал говорить об Эване так, словно Эван тот самый сын, которого у него никогда не было. Папа до сих пор хвастается, какого огромного лосося им удалось поймать.

— Мне кажется, она думает, что, если папа и Кайл проведут побольше времени вместе, отец поймет, какой Кайл замечательный, — хмыкнула я.

— Не вредничай. Мелани его любит.

Я скорчила гримасу.

— На прошлой неделе она сказала, что мне стоит позгорать, если я не хочу потеряться на фоне платья. А ведь до нашей свадьбы еще девять месяцев!

— Она просто завидует. Не стоит принимать ее подколки на свой счет.

— А мне показалось, что так оно и есть.

В комнату вслед за Олешкой вбежала Алли и бросилась мне на руки.

— Мамочка, Олешка съел мою кашу!

— Ты опять поставила тарелку на пол, глупенькая?